

—

В этом году, после наступления весны, север и юг Китая жили по-разному. На юге шли непрерывные дожди, не прекращаясь целый месяц. На севере же ярко светило солнце, и дожди не начинались.

Цзинь И получил приказ возглавить работы по рытью колодцев и каналов для крестьян, чьи поля пересохли от многомесячной засухи. Раз в десять-пятнадцать дней он возвращался в поместье Цзинь. Цветы и растения во дворе Фан Мань Тин росли не так, как в прежние годы, и хотя Фу Мин ухаживал за ними очень тщательно, вода, которую люди лили в землю, возможно, все же уступала небесной благодати.

Цветы еще не успели расцвести, как уже наступил конец весны. С легкой неохотой они покидали ветви, опадая и смешиваясь с грязью.

У Фу Мина не было много времени, чтобы грустить о весне. Он получил письмо с юга, в котором говорилось, что его кормилица заболела весной, и не только не выздоровела, но и стало еще хуже. Многие известные местные врачи не смогли ей помочь.

Фу Мин вспомнил своего наставника, дядю Фана, и отправился в приют, чтобы попросить его поехать на юг и осмотреть его няню.

Учителя Фана не оказалось в приюте. Сунь Цзаньюн сказал Фу Мину, что тот снова отправился на юг. На этот раз направление было известно, и Фу Мин тут же написал в приюте письмо, попросив кого-нибудь доставить его ему как можно быстрее.

Когда Фу Мин возвращался в поместье с беспокойством в душе, его на полпути остановил мальчик: «Господин, господин Янь приглашает вас».

Фу Мин спросил: «Господин Янь? Янь Лэ?»

«Именно так. Прошу, господин, следуйте за мной». Мальчик показал ему знак — украшение, которое Янь Лэ носил при себе. Фу Мин подарил его Янь Лэ много лет назад, когда тот решил покинуть приют.

Фу Мин последовал за мальчиком с главной улицы в извилистый переулок, и в конце концов они вошли в небольшой особняк.

Ждущим внутри оказался, конечно же, Янь Лэ.

Они обменялись любезностями. Фу Мин узнал, что Янь Лэ уже близок к наследному принцу, и не знал, радоваться за него или беспокоиться, лишь сказал: «Будь осторожен во всем, самое главное — береги себя».

«Я знаю, брат Мин, тебе не нужно за меня переживать», — сказал Янь Лэ, его выражение стало серьезным. «На самом деле, я позвал тебя сегодня специально, чтобы кое-что сказать».

«Что? Может, я могу чем-нибудь помочь?»

Янь Лэ покачал головой: «Я пришел не просить тебя о помощи, а сказать что-то, это касается твоего мужа».

«Это касается его? Что это значит?»

«Ты и я знаем, что чем старше становится Император, тем больше он склонен к установлению наследника, хотя он уже назначил наследного принца, но сила третьего принца также не должна быть недооценена. Ситуация дошла до того, что два принца стали заклятыми врагами. А генерал Цзинь, он, должно быть, уже твердо встал на сторону третьего принца, верно?»

«Хотя я не особо расспрашиваю его о делах при дворе, но третий принц ценит его, и он готов служить третьему принцу, это я могу подтвердить. И иногда, когда мы пьем вино ночью, если он в хорошем настроении, он тоже рассказывает мне кое-что. Отношения между правителем и подданным хорошие, и он счастлив в душе», — сказал Фу Мин. «А-Лэ, ты получил какие-то новости от наследного принца? Касательно его?»

Янь Лэ ответил: «Я действительно кое-что слышал. Хотя наследный принц не так увлечен государственными делами, как третий принц, и у него нет такой железной хватки, но он все же наследный принц, и его окружение не позволит ему сидеть сложа руки. Сейчас ситуация такова, что наследный принц вынужден действовать. В прошлом году генерал Цзинь отличился на военной службе и получил повышение. Семья Цзинь также породнилась с могущественной торговой семьей Тао и привлекла относительно нейтральную семью Чжоу. Можно сказать, что они находятся на пике своего могущества. Такой яркий успех сделал их мишенью для нынешней правящей партии».

Фу Мин, услышав это, не мог не забеспокоиться: «Ты говоришь по делу, но раз уж все так, то ничего не изменишь».

Янь Лэ сказал: «Несколько дней назад я был послан на пир, чтобы развлечь наследного принца, и услышал пару фраз за дверью. Они, кажется, скоро предпримут какие-то действия. Но я всего лишь артист и не могу получить более точную информацию. Я пришел сегодня, чтобы предупредить тебя, будьте осторожны».

Фу Мин кивнул: «Я понимаю, то, что ты пришел и рассказал мне это сегодня, уже немало. А-Лэ, спасибо».

Янь Лэ улыбнулся: «Если бы я не пришел, разве я не предал бы наши многолетние отношения? В любом случае, я желаю тебе мира и благополучия».

Фу Мин сказал: «Угу, вернувшись, я расскажу об этом господину. Ты тоже, находясь в логове тигра, будь особенно осторожен. Я также надеюсь, что ты выйдешь невредимым».

После того как они обсудили важные дела, они больше не медлили. Фу Мин ушел первым, а Янь Лэ вышел через другую дверь спустя несколько мгновений.

Фу Мин, скрыв личность Янь Лэ, рассказал Цзинь И о важном деле. Цзинь И ответил: «Я все понял, обговорю это с третьим принцем и буду внимательнее. Можешь не беспокоиться».

Хотя Цзинь И так сказал, Фу Мин все же не мог полностью успокоиться. К тому же, с юга еще не пришел ответ, и двойное беспокойство давило на сердце, часто не давая ему заснуть ночью.

Спустя более двадцати дней он наконец получил письмо с юга. Дядя Фан прибыл, осмотрел кормилицу и скорректировал лечение, и ее состояние улучшилось. Через полмесяца, когда Фу Мин получил следующее письмо, в нем говорилось, что она почти полностью выздоровела. А при дворе по-прежнему не было никаких серьезных движений. Фу Мин, хоть и не полностью успокоился, постепенно расслабился, наконец-то перестал ворочаться по ночам и вернул себе

аппетит. Цзинь И воспользовался случаем и велел поварихе каждый день готовить разнообразные блюда, добавляя больше питательных ингредиентов, чтобы Фу Мин постепенно восполнил то, что потерял за эти десятки дней.

Наступило глубокое лето. Когда погода жаркая, люди становятся сонными и ленивыми, рыбы прячутся под листьями лотоса, не двигаясь, а птицы прячутся в тени деревьев, сложив крылья и закрыв глаза.

Фу Мин читал книгу под ивой у пруда. Когда солнце начало клониться к западу, лучи света падали наискось, и даже густые ветви ивы не могли создать тени. Он вернулся в комнату, велел Вань Лань растереть тушь и наугад написал на бумаге несколько строк:

Жара держится долго, а чай медленно остывает. Чем коротать долгое лето? Стихами.

'Я бросил книгу и посмотрел на чистый пруд, забыв, что я не рыба. Вдруг плывущие облака рассеялись клочьями. Ласточки перед залом — старые знакомые'.

На следующий день Жэньлань пришла в Фан Мань Тин, увидела на письменном столе это новое стихотворение, не особо соблюдающее правила стихосложения, и улыбнулась: «Брат Мин давно не был так беззаботен».

Фу Мин улыбнулся в ответ: «Действительно, в последнее время я слишком много волновался. Вчера я ничего не делал, наслаждался целый день. Сестра Жэньлань, зачем ты пришла ко мне сегодня?»

«Действительно, есть кое-что. Я столкнулась с этим, когда читала книгу, и кое-что не поняла, хотела бы спросить у брата Мина».

«Какую книгу сестра читала в последнее время? Какие вопросы возникли?»

Жэньлань слегка покраснела и сказала: «Я не читала ничего серьезного, просто думала... его семья — это семья торговцев, а я не родилась в такой семье и действительно мало что знаю. Поэтому я пролистала соответствующие сочинения в книгах. Вчера я прочитала 'Главу о торговле и богатстве' Сыма Цяня, и несколько мест мне были не совсем понятны. Я хотела, чтобы брат Мин помог мне разобраться».

Фу Мин знал, что Жэньлань в этом году, помимо общения с прежними подругами, также благодаря знакомствам познакомилась с несколькими знатными девушками из семей купцов из столицы. Услышав слова Жэньлань, он улыбнулся: «Сестра, ты очень внимательна. Сестра, расскажи о своих вопросах, и мы 'сомнения вместе разберем'».

Они заговорили об этом, и как раз когда они увлеченно беседовали, снаружи вбежала в двор служанка, еще не дойдя до них, как уже срывающимся голосом кричала: «Мин Гунцзы, Мин Гунцзы, случилось несчастье, нашего господина арестовали, и снаружи поместье окружено солдатами!»

Книга выпала из рук Жэньлань, и ее лицо мгновенно побледнело. Фу Мин все еще крепко сжимал чашку, но его рука сильно дрожала, он едва мог контролировать выражение своего лица. Через мгновение он медленно сказал: «Я понял».

—

Арест Цзинь И и оцепление поместья Цзинь солдатами произошли почти без предупреждения,

внезапно. Многие люди в столице были ошеломлены, переглядывались, но не осмеливались приблизиться к поместью Цзинь ни на шаг и не осмеливались открыто расспрашивать, опасаясь навлечь на себя беду.

Когда Фу Мин впервые услышал эту новость, он тоже очень испугался и запаниковал, но теперь он был единственным здоровым взрослым мужчиной в поместье, поэтому ему пришлось сначала успокоиться самому, а затем утешить свою семью.

Старая госпожа, дожив до такого возраста, пережила уже немало бурь, но все же была крайне испугана. Фу Мин тихо рассказал ей о событиях последних дней, но немного урезал, чтобы они не казались слишком серьезными, и сказал, что Цзинь И и третий принц уже подготовились к противостоянию, и это дело должно пройти без особых проблем. Услышав это, старая госпожа немного успокоилась, и слезы в ее глазах постепенно высохли.

Фу Мин ранее сказал то же самое Жэньлань и попросил ее утешить Синьюэ и служанок, и нянюшек Цзинь И. Чжаоянь был еще мал, поэтому Фу Мин придумал более легкое объяснение, чтобы успокоить его, и отвел Чжаояня в Фон Мань Тин, чтобы он временно там жил, чтобы он не испугался или чтобы кто-нибудь не стал сплетничать при нем.

Таким образом, хотя и произошло несчастье, в поместье Цзинь не было паники, а царило спокойствие, как обычно. Это избавило солдат, охраняющих поместье, от многих хлопот, и они не могли не восхищаться: потомки военачальников действительно необыкновенны, они не теряют самообладания в опасности, у них есть манера поведения государственного герцога тех лет.

Сейчас в поместье все спокойно, но в сердце Фу Мина кипело неизвестное другим беспокойство. Он пытался расспросить командира, стоявшего у ворот поместья, но тот холодным тоном «попросил» его вернуться в поместье, прихватив с собой кошелек. Фу Мин понял, что с этими людьми снаружи договориться невозможно.

Красное солнце клонилось к западу, летнее вечернее небо сияло, словно вышитый узор. Сердце Фу Мина, казалось, было пропитано вечерней зарей, становясь все тяжелее.

Солнечный свет померк, усталые птицы возвращались в свои гнезда, но Цзинь И не смог вернуться в поместье. Фу Мин не знал, по какой причине суд арестовал его, и не знал, какова его нынешняя ситуация, и что его ждет в будущем.

Как раз когда Фу Мин переживал, словно дни превратились в годы, Вань Лань подошла и сказала: «Господин, только что приходил дровосек, чтобы доставить дрова, и он просил вас принять его».

Хотя поместье Цзинь было оцеплено, и никому из жителей поместья не разрешалось выходить, но вход и выход для тех, кто доставлял дрова, еду и лекарства, еще не был запрещен. Казалось, что ситуация не достигла самой серьезной точки. Фу Мин уловил в этом намек на снисходительность, немного успокоился и велел провести дровосека во двор.

Дровосек, конечно же, был посланником и пришел, чтобы сообщить новости. Увидев Фу Мина и поклонившись, он сразу же ответил на вопрос Фу Мина:

«Господин, я послан господином Чжоу. Господин Чжоу узнал причину ареста генерала Цзинь. Говорят, что у генерала Цзинь были мятежные замыслы».

«Мятежные замыслы?» Фу Мин, услышав это, почувствовал, как его только что немного

успокоившееся сердце снова тяжело опустилось.

«Говорят, кто-то донес на генерала Цзинь, обвинив его в укрывательстве семьи мятежника. Сейчас семья мятежника найдена. Несколько низших офицеров, сопровождавших генерала на юг для подавления восстания, засвидетельствовали, что та женщина и ребенок, который был тогда у нее в животе, действительно были привезены генералом в столицу и устроены».

Семья мятежника? Женщина? Ребенок? Фу Мин резко осознал. Цзинь И тогда наверняка не знал правды, но не хотел, чтобы его случайный добрый поступок стал поводом для клеветы на него, а та женщина и ребенок, такого статуса, почему они непременно должны были приехать в столицу? Теперь, когда их поймали, они, должно быть, не вернуться.

Дровосек, заметив изменение в выражении лица Фу Мина, поспешно уговаривал его: «Господин, господин Чжоу также велел мне передать вам, что, хотя генерал Цзинь сейчас арестован, его вина еще не доказана. Император лишь временно заключил его под стражу и приказал провести тщательное расследование. Генерал Цзинь верен и честен, и Император обязательно восстановит справедливость. Семья Чжоу также не оставит это дело без внимания, и генерал Цзинь получит должное попечение. Пожалуйста, не волнуйтесь, берегите себя, позаботьтесь о стариках, детях и женщинах в поместье, и ждите, пока генерал Цзинь благополучно вернется и будет оправдан».

Фу Мин, услышав это, заметно успокоился, кивнул и сказал: «Я понял. Прошу, передайте господину Чжоу, что за такую великую доброту не отплатить словами, я запомню это».

—

<http://bllate.org/book/12585/1118433>